

А.Ф. Ростопчин

**Царь и народ. История
царствования, семейной
жизни, служения народу и
мученическая кончина
императора Александра II**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Ф. Ростопчин**
Царь и народ. История царствования, семейной жизни, служения народу
и мученическая кончина императора Александра II / А.Ф. Ростопчин – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 212 с.

ISBN 978-5-518-04869-0

ISBN 978-5-518-04869-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Прошло только шесть лѣтъ послѣ погрома двѣнадцатаго года. У Императора Александра I не было дѣтей, наследникомъ престола былъ Константинъ Павловичъ, тоже бездѣтный, только у Николая Павловича въ 1818 году родился сынъ первенецъ, привѣтствованный пророческими словами его будущаго воспитателя, извѣстнаго нашего поэта Жуковскаго. Онъ говорилъ:

Изобразю-ль души смитенной чувство?
 Могу-ль найти согласный съ нимъ языкъ?
 Что мирный гласъ и что пѣвца искусство?
 Ты слышала сей мнѣлый первый крикъ,
 Младенческій привѣтъ существованью;
 Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей
 И прелесть устъ открывшихся дыханью.
 О какъ дерзну я мысляю моею
 Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья
 Онъ пролетѣлъ сей грозный часъ мученья,
 Его смѣнилъ небесный гость—покой
 И тишина исполненной надежды
 И, первымъ спомъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
 Какъ ангелъ спитъ твой сынъ передъ тобой....
 О матеръ! Кто, какой языкъ земной
 Изобразить сіе очарованье?
 Что съ жизнью прекрасною дано,

Что намъ сулить въ грядущемъ уюванье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено
И темное къ безвѣстному стремленье.
И ясное для сердца провидѣнье
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала—
То все теперь безъ словъ тебѣ сказала
Священная младенца колыбель
Забуду-ль мигъ на вѣки незабвенный?
Когда шепнула мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный твой часъ—
Безвѣстности волненіемъ стѣпенный,
Я ободрить мой смутный духъ снѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ,
О, какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать лежали небеса:
Ихъ мирный блескъ, молодой зари краса,
Всходящая какъ новая надежда,
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскреснувшей Москвы.
Безчисленны церкви ея главы
Какъ олтари, сожженные востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо рокомъ.
Нетронутый свидѣтель божества
И всюду гласъ святаго торжества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной.
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ
И съ вѣрою, что близко провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ матери священное мученье
Свершалось какъ жертва въ оный часъ..
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,

Когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны
Еще стоять въ невѣдены безгласны
И робко ждуть, что скажетъ судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Иль жизни, иль смерти велить благовѣстити
О что въ сей часъ сбывалось гамъ подъ кровомъ,
Царей. гдѣ мигъ былъ долженъ разрѣшить
Нашъ промысла намѣреніе тайно
Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ миѣ душу пропикалъ:
«Здѣсь Божій миръ, ничто здѣсь не случайно»
И вѣрила безтрепетно душа;
Межъ тѣмъ воеходъ спокойно соверша.
Какъ ясный богъ горѣло солнце славой,
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ.
И тишины исполненъ величавой
Торжественно державный Кремль стоялъ.
Казалось, все съ надеждой ожидало
И въ оный часъ предъ мыслью моею
Минувшее безмолвно воскресало:
Сія рѣка свидѣтель давнихъ дней.
Протекшая межъ столькихъ поколѣній,
Спокойная межъ столькихъ измѣненій.
Миѣ славною блистала сгаринной.
И образы великихъ привидѣній
Надъ ней какъ дымъ взлѣтали предо мной,
Миѣ чудилось: развертывая знамя
На бой и честь скликалъ полки Донской,
Пожарскій мчалъ сквозь ужасы и пламя
Свободу въ Кремль по трунамъ поляковъ.
Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
Романовъ бралъ могущество державы
Вводилъ полки безсмертья и Колтавы

Чудесный Петръ въ столицу за собой.
И праздновать звала Екатерина
Румянцева съ вождями предъ Москвой
Ужасный пиръ Кагула и Эвксина
И дальнія лѣта перелетѣвъ.
Я мыслію ко близкимъ устремился.
Давно-ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?. Во прахѣ домъ царей,
Безславіе разбитыхъ алтарей.
Святылища, лишеныя святыни
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.
И что-жъ теперь? Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ
Зажженною любуюся Москвою,
И тишина святая надо мною.
Москва жива, въ Кремлѣ семья царя,
Народъ, тѣсняясь къ ступенямъ алтаря
На праздникъ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ.
О, какъ у всѣхъ душа заликовала
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ
О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный
Гряди въ нашъ міръ младенецъ, гость желанный.
Тебя узрѣвъ—колѣнопреклоненъ
Младой отецъ предъ матерью спасенной.
Въ жару любви рыдаетъ словъ лишень,
Передъ твоей невниностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы леть.
Уже Москва своимъ тебя зоветъ,
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ твоей. младая мать, душой?
О, для нея открылся міръ иной,

Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказала бытіи,
Чистѣйшія заглясь въ ней упованья,
Не для тебя теперь твои желанья.
Не о тебѣ дѣсь радости твои.
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ. не зрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ.
Какъ тишина его прекрасенъ сонъ
И жизни вѣсть къ нему не достигала .
Но ужъ судьба свой судъ объ немъ сказала,
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ.
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскреснаго Кремля.
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый,
Кругомъ его и небо и земля,
Итавнiя Россію въ колыбелѣ—
Здѣсь жизнь отцовъ великая была,
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кнѣзли
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла
Обманеть ли ея знаменованье?
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ,
Тебѣ его младенческія лѣта
Отъ ихъ неленѣ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой на все прекрасное готовой,
Наставленной достойной счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить.
Не трепетать встрѣчая рокъ суровый
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта прайдуть, подвижникъ молодой,

Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы.
Да встрѣтитъ онъ обильный честию вѣкъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человекъ!
Жить для вѣковъ, въ величїи народномъ
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиренїемъ дѣла свои читать—
Вотъ правила царей великихъ внуку!
Съ тобой начать сію науку.
Теперь едва проснувшїйся душой
Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой
Безпечно онъ играетъ въ колыбели
И радости младя прилетѣли
Покой прекрасный оживлять.
Житейское отъ ней еще далеко
Храни ее заботливая мать
Твоя любовь всевидящее око,
Въ твоей любви—святая благодать!

II

Предзнаменованія.

Это было двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, на второй недѣлѣ великаго поста. По улицамъ московскимъ, было какое-то особенное тревожное движеніе; сповавшій народъ пытливо вглядывался въ глаза встрѣчающихся и находилъ въ нихъ такое же смущеніе, какое чувствовалъ и самъ; всѣ къ чему-то робко прислушивались, — и словно боялись услышать что-то странное, необычайное; всѣ разговаривали шепотомъ, боясь громко проронить слово, боясь нарушить царствовавшую и томившую тишину.

Наконецъ Москва дрогнула; странное, всполошившее всѣхъ слово было произнесено, народъ оспоротѣлъ!

— Государь скончался! пронеслось глухо въ толпѣ это страшное слово.

И толпа дрогнула; осѣвши себя съ молитвою крестомъ народъ и, по заведенному нескони обычаю, двинулся въ свою святыню — Кремль, гдѣ онъ привыкъ слышать все важное, касающееся жизни народа русскаго, гдѣ онъ привыкъ видѣть своихъ царей, слышать ихъ слово.

Мигомъ наполнился Кремль несмѣтною толпою, зачерѣбли площади соборная, дворцовая, кремлевская. Всѣ первы были натянуты, всѣ ждали чего-то съ замираніемъ сердца. Вдругъ въ воздухѣ раздался гулъ, подъ ногами дрогнула земля, заблаговѣстили къ молебну, съ призывомъ помолиться о молодомъ, новомъ царѣ, подававшимъ такія блестящія надежды, о царѣ, любимомъ уже народомъ.

— Дай Богъ ему счастья, дай ему силушки, молится народъ.

А силушка въ это время нужна была и силушка не малая, богатырская, чтобы справиться съ врагомъ. Въ это время шелъ самый разгаръ Крымской войны, всѣ силы были натянуты, необходимы были страшныя усилія, энергія, чтобы не поддаться врагу, чтобы отстоять честь и славу Россіи.

Молебенъ окончился. Служилъ его памятиѣйшій изъ іерарховъ земли русской, митрополитъ Филаретъ. По окончаніи молебна, онъ приказалъ звонить къ присягѣ. Обыкновенно къ присягѣ призываютъ тремя ударами колокола.

Раздался первый ударъ и снова обнажились головы тысячной толпы, снова эта масса осѣнила себя крестомъ, ожидая втораго удара, но. вмѣсто него разнеслись въ воздухѣ неслыханное дребезжаніе и какой-то страшный гулъ, какъ будто отъ паденія страшной массы. . . . что-то простонало и замерло надъ Москвой. . . . Народъ оцѣпенѣлъ, застылъ!.. Отъ колокольной бросились въ Успенскій соборъ вѣстовники, они были блѣды, испуганы.

— Отчего-же прекратили звонъ? спрашиваетъ этихъ вѣстовниковъ покойный митрополитъ.

— Оборвался колоколь, пробилъ три этажа и передавиль много народа, отвѣчаютъ тѣ.

Святитель понкъ головой и задумался, по лицу его пробѣжала скорбная, горькая мысль....

— Ужасное, кровавое дѣло! промолвилъ онъ. Славное будетъ это царствованіе, продолжалъ онъ пророчески, славное, но тернистое... кровью началось оно, кровью же и окончится....

Прошло одиннадцать лѣтъ. 4 Апрѣля 1866 года, жизнь маленькаго городка Ранненбурга, рязанской губерніи, текла по обыкновенію своимъ обыденнымъ порядкомъ, тихо, безмятежно. Но вдругъ въ двѣнадцатомъ часу дня весь городъ всполонился....

Съ соборной колокольни, явственно, отчетливо слышался набатъ! Все выбѣжали на улицу, въ ожиданіи какой нибудь бѣды, бросились на колокольню, но тамъ не нашли никого, веревка, привязанная къ языку колокола, висѣла спокойно.... Никто ничего не понималъ, никто не могъ объяснить этого страннаго набата. Но прошло нѣсколько дней, и онъ объяснился. Въ этотъ же день и часъ въ Петербургѣ готовилось страшное преступленіе. Въ это самое время произошелъ въ Лѣтнемъ саду первое покушеніе на священную жизнь незабвеннаго Александра II, проклятымъ народною памятью Каракозовымъ.

Прошло еще четырнадцать лѣтъ. Наступилъ день 25-го Декабря, промлага 1880 года, день, въ который празднуется незабвенное въ русской исторіи

событіе «изгнанія изъ предѣловъ Россіи двенадцати языковъ», день, празднуемый повсемѣстно особенно торжественно. Въ этотъ день, нѣтъ ни одного храма на Русѣ, гдѣ бы не служилось благодарственное по этому случаю молебствіе. Такъ было и на этотъ разъ въ Геосиманскомъ скиту, находящемся въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нашей славной Сергіево-Троицкой Лавры. Храмъ былъ наполненъ молящимися. Началось молебствіе, во время котораго вышелъ настоятель, чтобы прочесть всѣмъ извѣстную молитву съ колѣнопреклоненіемъ. Во время этой молитвы, когда было произнесено имя покойнаго Государя, въ церкви раздался весьма слышимый трескъ. Молящіеся встревожились и невольно взглянули вверхъ, откуда послышался этотъ трескъ.

Въ большомъ паникадилѣ, висащемъ передъ алтаремъ, неизвестно по какой причинѣ вдругъ переломилась по поламъ одна изъ свѣчей. Въ этотъ день свѣчи въ паникадило были вставлены новыя въ полтора аршина длины и въ полтора вершка толщины. Верхняя сломленная часть нагнулась и стала подъ прямымъ угломъ къ нижней.

Замѣтивъ смущеніе народа, староста поспѣшилъ къ паникадилу, чтобы опустить его и вынуть сломившуюся свѣчу. Но сдѣлать этого онъ не успѣлъ; такъ какъ верхняя отломившаяся половинка упала на землю, а нижняя *зажглась сама собою*. Проходитъ еще немного боѣе полутора мѣсяца Празднуется, какъ оказалось, въ послѣдній разъ, дорогой и знаменательный для Россіи день 19 февраля. Тотъ же храмъ